

УДК 802.2

М.Дж. Тагаев

Морфемно-словообразовательная концептосфера как дискурсивно- семантическое поле смыслопорождения

Изучение процессов взаимодействия языка и культуры привело к разработке понятия **концепт**. Филологи под этим термином понимают ячейку культуры в ментальном мире человека, основной составной элемент культуры этноса (Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов и др.). **Концепт**, с одной стороны, соотносится с мыслительными процессами человека, а, с другой стороны, с миром культуры и находит проекции в языке.

Концепт – это дискретная содержательная единица коллективного сознания, которая отражает предмет реального или идеального мира и хранится в национальной памяти в вербально обозначенном виде. Одной из языковых форм, оптимально приспособленных для хранения и репродукции структур знаний в виде концептов, является производное слово. Производное слово представляется способом объективации и мотивированного означивания фрагментов и ситуаций окружающей действительности. Как пишет Т.И. Вендина, «наиболее объективированным следует считать то знание, которое «срастается» с самой устойчивой, субстанциональной частью языка – языковой формой. Это знание дает внутренняя форма языковых единиц» [1].

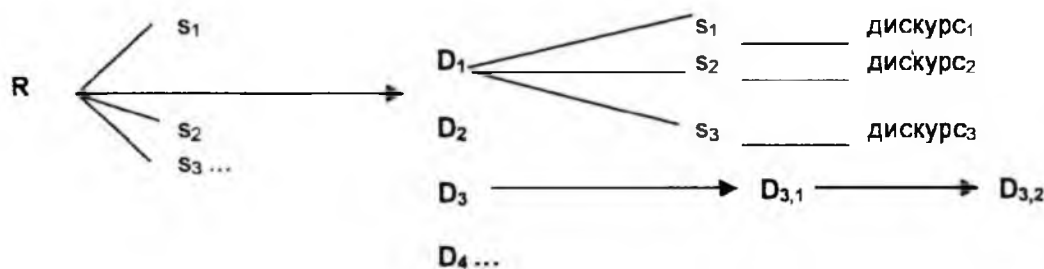
В отличие от других языковых знаков производное слово имеет свойство мотивироваться другими знаками на основании общности формальных и смысловых связей. Мотивационные отношения между лексическими единицами, выстраиваемые на базе морфемно-словообразовательных связей, помогают образовать им своеобразное гнездовое лексико-семантическое поле, которое расширяется и обретает черты концептосферы благодаря тому, что ряд элементов этого поля как лексические единицы могут образовывать свои субполя путем метафорических переносов.

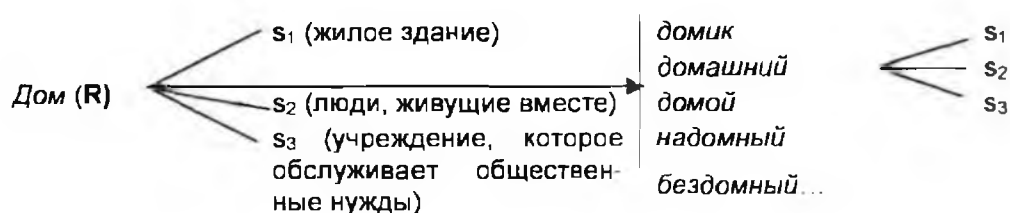
Следовательно, основными единицами дискурсивно-семантической концептосферы являются лексико-семантические варианты (ЛСВ), принимающие непосредственное участие в организации дискурсов. Символьная и семантическая структура словообразовательного гнезда позволяют поддерживать единство дискурсивно-семантической концептосферы, которая соответствует ассоциативным измерениям человеческого сознания. Если результатом словообразовательного процесса являются производные слова, связанные с производящими формально-семантическими отношениями, то в морфемно-словообразовательной концептосфере целью мотивационных отношений является смыслообразование, а конечной, результирующей единицей выступают ЛСВ. Морфемно-словообразовательная концептосфера позволяет связать воедино мотивационными отношениями словообразовательную и метафорическую деривацию. Концепты, включенные в морфемно-словообразовательную концептосферу, находятся в определенных цепочечных отношениях.

Морфемно-словообразовательная концептосфера представляет собой один из типов ментально-языковой картины мира и являет нам «особое образование, постоянно участвующее в познании мира и задающее образцы интерпретации воспринимаемого. Это своеобразная сетка, накидываемая на наше восприятие, на его оценку, влияющее на членение опыта и виденье ситуации, событий и т.п. через призму языка и опыта, приобретенного вместе с усвоением языка и включающего в себя не только огромный корпус единиц номинации, но в известной мере и правила их образования и функционирования» [2]. Исходное слово, возглавляющее морфемно-словообразовательную концептосферу, можно считать прототипической категорией, фокусом концептосферы. Члены концептосферы «демонстрируют разные степени отклонения от эталона – ср. разные степени морфологического членения структур слова, разные степени мотивированности производного слова, степени знаковости и т.п.» [2, с. 97].

Морфемно-словообразовательная концептосфера представляет собой открытую систему, которая характеризуется гибкостью, размытостью границ, открытостью, что дает возможность для пополнения новыми членами, для расширения за счет осмысления и структурирования нового человеческого опыта.

Следующая схема отражает взаимоотношения элементов в пределах морфемно-словообразовательной концептосферы. Примечание: R – корневое (непроизводное) слово, D – дериват (производное слово), s – лексико-семантические варианты.

ЛСВ как результирующие единицы морфемно-словообразовательной концептосферы включаются в различные дискурсы, служа своему основному назначению – быть средством коммуникации. Лексико-семантический вариант, отраженный в слове, выступает не только как носитель определенного значения, но и диктует правила коммуникации, нормы обращения с ним в дискурсе в процессе общения. Иначе говоря, «за словом стоят знания о его включении в синтаксическую конструкцию и/или способе ее линейного развертывания, что делает слово не только средоточием грамматических и семантических, но и дискурсивных свойств» [2, с. 52]. У носителей родного языка эти сведения находятся во внутреннем лексиконе, приобретаются они в дискурсивном процессе познания мира, и поэтому нет необходимости актуализировать их в процессе описания языка. Здесь говорящий идет от внутреннего лексикона к дискурсу и тексту.

Что же касается описания функционирования неродного языка, то экспликация этих знаний составляет специфику его описания. Языковые знания становятся актуальными в процессе описания, так как в этом случае говорящий идет от языковых форм к созданию внутреннего лексикона со всеми его семантическими признаками, связями и отношениями.

Как видно, при проведении морфемно-словообразовательного анализа необходимо брать во внимание не только формально-семантические связи родственных и одноструктурных слов, но и акцентировать внимание на семантико-смысловую сторону лексических единиц, образующих концептосферу. Так, в русском языке, по данным четырехтомного словаря АН СССР, слово *дом* имеет 6 значений [3]. В последнее время это слово приобрело еще ряд дополнительных значений, таких, как: *Белый дом* – здание правительства России, *ночлежный дом* – специально оборудованное помещение, в котором за небольшую плату предоставляют ночлег, *общеевропейский дом* – европейские страны, объединенные общностью территории и культуры.

В киргизском языке у слова *уй* (дом) в словаре К.К. Юдахина (Киргизско-русский словарь. – М., 1965) описываются главным образом фольклорно-этнографические значения как у предмета быта кочевников. В словаре Э. Абдулдаева, Д. Исаева представлены 3 значения данного слова, которые отражают современные представления о быте. Надо отметить, что и в киргизском языке анализируемое слово получило дополнительные значения. Например, *ак уй* – правительство Киргизской Республики, *Кыргызстан – жалпы уйубуз* – Кыргызстан – наш общий дом.

Морфемно-словообразовательная концептосфера, возглавляемая словом *дом*, расширяется ЛСВ, в основе которых лежат дериваты и других ступеней образования. Так, по данным словарей, к числу многозначных слов относится слово *домашний*, ЛСВ которого мотивируется разными значениями исходного слова.

Как пишет В.А. Маслова, «картина мира не есть простой набор «фотографий» предметов, процессов, свойств и т.д., ибо включает в себя не только отраженные объекты, но и позицию отражающего субъекта, его отношение к

этим объектам, причем позиция субъекта – такая же реальность, как и сами объекты» [4]. В этой связи производные слова с коннотативным значением типа *домик, домина, домище, домишко* не находят соответствия в производных словах киргизского языка. Составляя специфический фрагмент языковой картины мира русского языка, они требуют специального комментария (см. *домишко* – чакан начар уй, кепе, *домище* – эбегейсиз чон уй). Однако и в этом случае не удастся передать всю картину мира, обозначаемую производными с суффиксами субъективной оценки, так как они, помимо своего денотата, указывают и на позицию субъекта. Иначе говоря, кроме обычного лексического значения, в смысловой структуре слова содержится эмоциональное отношение говорящего к тому, что он называет.

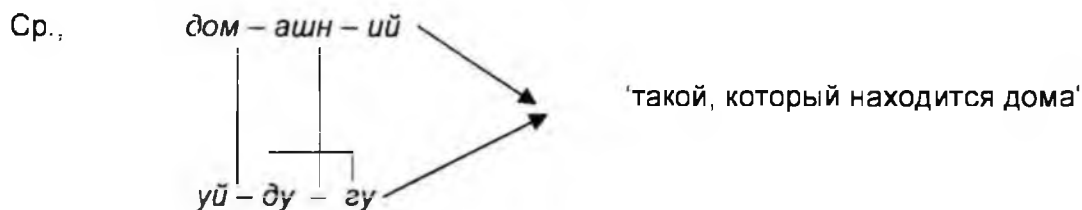
Казалось бы, эмоциональная коннотация содержится и в киргизском слове *келе*, которое обозначает 'избушку, землянку'. Однако негативное значение данного слова для обычного человека лингвистически нейтрально, а отрицательное отношение говорящего обуславливается не его отношением к названному предмету, а самим состоянием предмета. Ср.: в русском языке слово *вор*, социально негативное, обладает нейтральным значением, в то же время образует эмоционально окрашенные дериваты типа *воришка, ворюга*. Типологическое своеобразие русского языка состоит в том, что его богатейшая система суффиксов максимально «приспособлена для выражения огромного спектра разнообразных эмоциональных отношений, причем не только нежных, ласкательных, но и множества других, для которых бывает порой даже трудно подобрать определение» [5].

Слово *домовой* из анализируемой концептосферы также составляет фрагмент языковой картины мира русского человека. В славянской мифологии оно обозначает существо (злой или добрый дух), обитающее в доме. *Домовой* относится к числу этнических стереотипов, которые усваиваются с молоком матери и позволяют идентифицировать носителя языка с русским или славянским этносом. Путем интуитивного (или сознательного) отслеживания смысла корневого слова *дом* киргиз вполне может объяснить себе значение производного слова *домовой*, которое имеет пространственное значение 'дух, который находится в доме'.

Слова *домашний, домовый, домовой* обладают общим словообразовательным значением 'относящийся к дому, находящийся в доме'. Однако значение этой семы настолько абстрактно, что мало помогает усвоению образов и стереотипов картины мира, стоящих за данными словами. Конкретизация и уточнение значений данных слов производится путем использования дифференциальных лексических сем. Так, *домашний* может быть представлено в виде следующего набора сем, связанных отношениями зависимости от более общих к менее общим: 1) признак, 2) относящийся, 3) к *дому-жилью*, к семье, к частному быту; а слово *домовый* имеет набор: 1) признак, 2) относящийся, 3) к *дому* в значении 'жилое (или для учреждения)' здание. Как видно, семантические структуры слов *домашний* и *домовый*, совпадая семами 1 и 2, дифференцируются 3-й семой. Отличаются они и своей лексической сочетаемостью и особенностями прагматики. *Домашние дела, домашняя работа, домашние животные* – это все то, что относится к дому как жилью. *Домовый комитет, домовая книга, домовые ворота* – все то, что относится к дому как строению.

В киргизском языке в словах *домашний, домовый* и *домовой* актуализируется потенциальная сема 'пространства', которая не осмысливается в качестве существенной при рассмотрении этих слов на фоне киргизского языка, в котором распространены локативные падежи. Суффикс *-ашн(уй)* в русском языке может иметь два значения: 1) относящийся к дому, к семье, 2) находящийся в доме, в семье. Локативная семантика прилагательного становится оче-

видной при поиске ему функционального эквивалента в киргизском языке. Если относительное прилагательное в русском языке обладает локативной семантикой, то ему в киргизском языке соответствует лексическая единица в форме локативного падежа, присоединяющая адъективный аффикс. Ср.: *домашние дела* – *уйдогу иштер*, *мои домашние* – *уйдогулор*. При отсутствии локативного аффикса прилагательное киргизского языка выражает значение 'относящийся к предмету, названному мотивирующим словом': *домашнее задание* – *уй тапшырма*, *домашний скот* – *уйдон малы*.

Исследователи считают, что «термин "языковая картина мира" – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [4, с. 65].

Если обратиться к морфемно-словообразовательной концептосфере киргизского языка, то мы обнаружим, как актуализируются и становятся значимыми другие концепты общей картины мира, такие, как *уйлуу* – 'обладающий домом', *уй-короо* – 'домашнее хозяйство', *боз уй* – юрта, *уй-жай* – 'дом и прочее' (собр.), *уй-було* – семья, *уй жаны* – 'член семьи'. Естественно, реальности окружающего мира так или иначе маркируются языковыми средствами, но способы его обозначения выходят за пределы данной концептосферы. Так, например, киргизскую фразу «*Ал уйлуу-жайлуу болуп калды*» (букв.: Он стал имеющим дом и семью) в русском дискурсе мы представим несколько иначе: Он построил дом, женился, обзавелся детьми и хозяйством.

С точки зрения коммуникативно-динамической морфемно-словообразовательные связи членов концептосферы являют не только формально-семантические связи по линии однокоренных и родственных слов, но и связывают между собой различные дискурсы, в которых они принимают участие и представителями которых они являются в данной концептосфере. Единицы морфемно-словообразовательной концептосферы образуют множество, в основе организации которого лежат отношения не только мотивации, но и фамильного сходства, так как однокоренные слова сохраняют формальную и смысловую принадлежность к одному источнику.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Вендина Т.И.** Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания, 2002, № 4. – С. 43
2. **Кубрякова Е.С.** Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – С. 47.
3. **Словарь русского языка.** В 4 т. – М., 1981. – Т. 4. – С. 425.
4. **Маслова В.А.** Лингвокультурология. – М., 2001. – С. 67.

5. **Михайлова Е.** «На опушке леса стоял маленький дом...» [Электронный ресурс]
Режим доступа: www.president.kremlin.ru
<http://nauka.relis.ru/cgi/nauka.pl?27+9708+27708125+html>

S U M M A R Y

In the article word-formation is treated on the basis of cognitive approach, when morpheme – word-formation relations between the words in the conceptosphere connect both the same-root and cognate words, and different discourses as well.